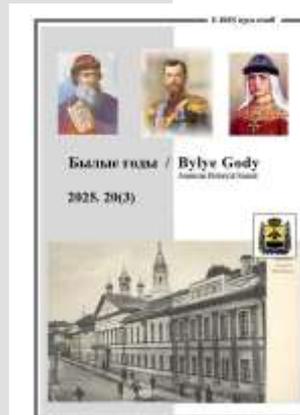

Copyright © 2025 by Cherkas Global University

Published in the USA
 Bylye Gody
 Has been issued since 2006.
 E-ISSN: 2310-0028
 2025. 20(3): 1455-1464
 DOI: 10.13187/bg.2025.3.1455

Journal homepage:
<https://bg.cherkasgu.press>

Military Power of the Empire in the Steppe Conditions: Strategy and Tactics of Russian Troops in Suppressing Kazakh Uprisings in 1869–1870

Galiya A. Shotanova ^{a,*}, Ernar M. Uzhkenov ^b, Nurzhan Y. Zhetpisbay ^a, Yeleukhan T. Kaliyeva ^c

^a Ch. Valikhanov Institute of History and Ethnology, Almaty, Republic of Kazakhstan

^b Institute of Oriental Studies named after R.B. Suleimenov, Almaty, Republic of Kazakhstan

^c Abai Kazakh National Pedagogical University, Almaty, Republic of Kazakhstan

Abstract

This article examines the strategy and tactical methods employed by the troops of the Russian Empire in suppressing Kazakh uprisings in the second half of the 19th century, with a particular focus on the events of the 1869 and 1870 uprisings in Western Kazakhstan. The study analyzes a number of factors influencing the choice of combat tactics in the Kazakh Steppe, including geographical conditions, the number of troops and armaments on both sides, as well as the political objectives of the empire.

The uprising itself was a reaction against the intensification of colonial oppression. The actions of the Kazakh militias, their cohesion and organization as a whole, reflected a growing level of national consciousness. The relatively large number of participants – around 20,000 – indicates that the majority of clans in the region were involved in the uprisings. Although the uprising was ultimately suppressed, there remained a significant potential for the repetition of the 1869–1870 events, which forced the Russian authorities to considerably soften their initial demands.

The armed clashes of the second half of the 19th century were a response to the increasing pressure from the Russian Empire. The authors analyze the consequences of the use of various tactical approaches to suppress Kazakh society, including changes in the social structure, migration processes, and the emergence of new forms of resistance.

Keywords: Military affairs, combat tactics, Western Kazakhstan, Russian Empire, I. Tilendiev, N. Rukin, F. Shtempel, the uprisings of 1869 and 1870.

1. Введение

Во второй половине XIX в. усилия, приложенные ранее, привели к максимальной централизации власти русского правительства. В рамках продолжения этой политики бывшие ранее автономными колониальные окраины должны были стать полноценными регионами Российской империи, что и привело к реформам 1869–1870 гг. Активизация устремлений к централизации в Российской империи сопровождалась усилением её позиций в Средней Азии, что отразилось и на территории Западного Казахстана.

Поражение в Крымской войне привело к проведению реформ в военных силах Российской империи, и именно на этот период приходится изменение стратегии и тактики российской армии в рамках военных кампаний, которые приобрели специфические черты, в том числе и в связи с необходимостью подавления массовых выступлений в 1869 г. и 1870 г. Войсковые операции были нацелены не только в качестве силовой поддержки процесса проведения реформ, но и включая поддержание централизации власти и расширение имперского контроля.

* Corresponding author

E-mail addresses: galia8.09@mail.ru (G.A. Shotanova), e81g@mail.ru (E.M. Uzhkenov), nurzhan976@mail.ru (N.Y. Zhetpisbay), kaliyeva.eleukhan@gmail.com (Y.T. Kaliyeva)

Народные восстания казахов 1869 г. и 1870 г., возникшие как реакция на ужесточение административной и хозяйственной политики, характеризовались противодействием колониальному давлению, затрагивавшему традиционные устои казахского общества. Столкновения данного периода можно интерпретировать в рамках теории колониальных конфликтов как формы локализованного сопротивления экспансии метрополии, что обусловило особенности тактики обеих сторон и последующее развитие политических процессов в регионе.

Несмотря на тактическое и стратегическое преимущество, в том числе и в оружии, военные действия являлись лишь одним из звеньев в политике умиротворения Степи, которую проводила Российская империя. Практически все новинки военной техники русской армии применялись и в боевых условиях в Казахской степи. Так, одной из важных задач являлась практика обеспечения военных припасов для отдалённых гарнизонов и отдельно действующих отрядов. Помимо собственно военных задач, также довольно успешно действовала и дипломатическая служба чиновников, которая смогла повлиять на срыв похода хивинских войск в западноказахстанские степи, а также на настроения родоправителей многих родов, что, в свою очередь, сказалось на масштабе и продолжительности восстаний.

2. Материалы и методы

Для написания данной статьи были использованы архивные материалы из фондов Объединённого государственного архива Оренбургской области (ОГАОО) (Оренбург, Российская Федерация), Российского государственного исторического архива (РГИА) (Санкт-Петербург, Российская Федерация), Российского государственного военно-исторического архива (РГВИА) (Москва, Российская Федерация), которые освещали разнообразные сферы из жизни казахского общества. Такой комплексный подход позволяет глубже понять контекст и особенности военных операций того времени, а также выявить ключевые аспекты тактики российских войск и их влияние на социально-экономическую и политическую ситуацию в регионе.

Анализ военных действий Российской империи в Западном Казахстане в середине XIX в. демонстрирует сложный подход к подавлению казахских восстаний, который определялся сочетанием геополитических целей, военно-технических возможностей и особенностей региона. В исследовании применяются несколько ключевых методов анализа, способствующих более глубокому осмыслению исторических событий и их контекста, связанных с восстаниями казахов против российских войск.

В частности, используется исторический метод, который подразумевает анализ исторических документов, устного фольклора, мемуаров, архивных материалов для понимания причин, хода и последствий военных действий в Степи в прошлом. Важное значение имеет и применение количественного метода, который даёт яркое представление о военной мощи, потерях, экономическом потенциале и других параметрах.

Кроме того, применяется сравнительный метод, который позволяет лучше понять общие закономерности и различия действий армий европейского образца при столкновении с традиционной тактикой кочевников.

Так, все эти методы в совокупности обеспечивают комплексное освещение темы и углубляют понимание роли стратегии и тактики российских регулярных войск в подавлении казахских восстаний во второй половине XIX в.

3. Обсуждение

Изучение стратегии и тактики российских войск при подавлении восстаний казахов в 1869 г. и 1870 г. требует учёта как предшествующего опыта военно-казахской колонизации, так и специфических степных условий.

Одним из важных материалов для реконструкции действий русской армии в условиях Казахской степи служат труды о деятельности оренбургских генерал-губернаторов, с акцентом на их методы управления регионом ([Губернаторы..., 1999](#)). В них зачастую хорошо отражены отдельные эпизоды военных операций в Казахской степи, о численности русских и казахских гарнизонов на местах, причинённом ущербе казахским поселениям и тактике подавления восстаний ([Губернаторы..., 1999: 254-258](#); [История и этнография..., 2016: 35-36](#)). Ещё одним важным дополнением представляется исследование И.Ф. Бларамберга, в котором рассматривается роль участников восстаний и их отдельных личностей, включая, в том числе, и оценку действий руководителей российской администрации ([Бларамберг, 1978](#)).

Стратегия империи по отношению к азиатским территориям первоначально заключалась в создании сети укрепленных пунктов и линий, где укрепления служили базами для военных экспедиций и имели функцию контроля над ключевыми коммуникациями ([Императорская археологическая..., 2019: 1056](#)).

Важным элементом тактики было использование мобильной казахской конницы, обладающей знанием местности. Опыт и знания, накопленные казаками, нашли отражение в мемуарах и исторических очерках, к примеру, у И.Ф. Бларамберга ([Бларамберг, 1978](#)) и А. Макшеева ([Макшеев, 2025](#)). В них можно проследить стратегию действий российских войск, которая включала создание

укреплений, использование казачьей конницы и политику «разделяй и властвуй», опираясь на опыт предыдущих конфликтов. Дореволюционные авторы, такие как А. Макшеев и П. Юдин, подчёркивали значительное превосходство российской армии в вооружении, в частности, использование нарезного оружия и артиллерии.

Причины восстаний 1869 и 1870 г. коренятся в административных реформах Российской империи, что отражено в «Положении 1869 года» (Курлапов, 2013: 442). Эти реформы, направленные на унификацию управления, часто игнорировали традиционные структуры казахского общества, вызывая недовольство. Так, исследователь П. Юдин описывает Адаевский бунт на Мангышлаке в 1870 г. (Юдин, 1894), подчёркивая жестокость подавления восстания и его трагические последствия для казахского населения.

Казахстанская историография проблемы изучения проведённых военных операций довольно часто включает в себя описание специфики местности региона, а также содержит необходимую информацию о населённых пунктах и местностях, имеющих стратегическое значение для казахов и использовавшихся в качестве опорных пунктов во время восстаний, как например, в таких трудах «История и этнография казахов Западного региона» (История и этнография..., 2016) и «Сакральная география Актюбинской области» (Сакральная география..., 2021). В этой связи изучены картографические сведения XVIII – XIX вв., представленные современными исследователями. Здесь заметны и можно хронологически проследить темпы постепенного включения изучаемого региона в сферу имперских интересов (Карин, 2024: 131-133).

Само исследование особенностей и истории проведения военных операций российской армией в казахских степях может быть признано недостаточно изученным в собственно казахстанской историографии. Особое место в ней занимает изучение феномена существования и функционирования уральского казачества. Среди таких работ необходимо отметить труды историка М.Ж. Абдирова, который считал, что завоевание Казахстана Российской империей было длительным процессом, неотъемлемой частью которого являлась военно-казачья колонизация, ставшая одним из ключевых факторов, спровоцировавших восстания из-за ограничения прав казахов на землю и традиционные угодья (Абдиров, 2000).

В свою очередь, роль казачьих формирований в контроле над территорией подробно освещалась в работе Н.В. Гурской (Гурская, 2010), описывающей военизированный образ жизни Уральского казачества, и в труде А.М. Дубрикова, который акцентирует внимание на их участии в присоединении Средней Азии и подавлении восстаний (Дубриков, 2016). Дополняет эту картину описанием повседневной жизни и культуры яицких (уральских) казаков работа А.З. Курлапова (Курлапов, 2013), а изыскание А.Г. Требугова позволило лучше воссоздать военные навыки и адаптацию казачьих отрядов к степным условиям (Требугов, 2011).

Для более чёткого представления о методах подавления восстаний на западе Казахстана изучен один из редких материалов заседания историков советской эпохи, которые на открытое обсуждение поставили вопросы вооружённого восстания казахов под руководством Ж. Нурмухамедова. Здесь представлены сюжеты казахско-русских отношений в середине XIX в., что позволило понять мотивы и цели участников вооружённого конфликта (Ахмет, 2020: 155–157). Также были изучены взгляды зарубежных исследователей, к примеру, J.M. Kilian и Яна Кэмпбелла, на события, охватившие Казахскую степь в изучаемую эпоху, что позволило лучше понять оценку в широком контексте отношений представителей царской администрации к казахскому народу (Kilian, 2013; Кэмпбелл, 2022). Здесь авторы рассматривают механизмы взаимодействия между имперской администрацией и местным населением.

Так, комплексное использование всех указанных источников и научных работ позволяет создать обширное представление о военной силе Российской империи в степных условиях, о причинах, ходе и последствиях восстаний казахов в 1869 и 1870 г., а также о тактике, применявшейся для установления и поддержания контроля над регионом.

4. Результаты

Основным видом искусства ведения войны в русской военной доктрине, как и во всём остальном мире, являлись оборона и наступление. Первоначальная слабость пограничных войск на границе сначала с Казахским ханством, а позднее и с Казахской степью, не позволяла прибегать царской администрации к крупным наступательным операциям. Оборонительная стратегия Российской империи на фронте с беспокойным степным миром заключалась в постройке крепостей и укрепленных пунктов, что позволяло довольно малыми силами пресекать отдельные попытки набегов казахских отрядов. Ударную силу российских войск во многом представляли «мобильные и хорошо вооруженные войска Уральского казачьего войска» (Абдиров, 2000), чья дисциплина и подготовка позволяли вести непрерывные наступательные операции в отрыве от баз снабжения. Казаки зачастую были непосредственными войсками поддержки в виде охраны отдельных представителей казахской элиты, конечно же, лояльных к империи.

Военная экспансия Российской империи в Казахстане была продиктована стремлением к территориальной стабилизации южных рубежей, контролю над кочевыми обществами и обеспечению транзита товаров «по новым коммуникационным маршрутам в Среднюю Азию»

(Оренбургский край..., 2021: 549). В этом контексте различали две основные зоны: северную, которая была относительно доступной для транспортировки и обустройства временных поселений, и южную, представляющую собой труднопроходимую местность с недостатком воды и подножного корма, что затрудняло длительные военные операции.

Основным мотивом развёртывания войск в этом регионе было установление контроля над мобильным казахским населением и защита приграничных рубежей от возможных набегов. Эта стратегия укладывалась в парадигму имперской военной доктрины, известной как «стабилизация периферии», где освоение новых территорий сопровождалось строительством фортификационных пунктов и военных постов. Эти действия являлись составной частью военной стратегии Российской империи в виде «создания укрепленных линий и крепостей»: «Новое киргизское (казахское – Прим. авт.) положение, надлежит поддержать твёрдою рукою. Забота правительства именно и направлена теперь к водворению новых порядков, чтобы водворение это шло успешно в Степи, в которой прежде почти не было войск, содержатся теперь довольные сильные отряды – в Уильском укреплении и в Эмбинском poste. Для придания большей прочности и устойчивости новым порядкам, полезно было разделить северную часть от южной посредством устройства военной линии по Эмбе» (История и этнография..., 2016: 61). Такие фортификационные сооружения, расположенные вдоль границ и в глубине казахских территорий, служили не только опорными пунктами для размещения войск, но и центрами административного и экономического контроля. Они обеспечивали безопасность коммуникаций, служили базами для проведения военных операций и способствовали распространению российского влияния на местное население, как, например, относительно форта Александровский: «В нем содержится весьма небольшой гарнизон, но если бы гарнизон форта был бы недостаточным для содержания заэмбинских киргиз (казахов – Прим. авт.) и адаевцев в страхе и повиновении, и для удержания их от своевольных откачиваний в хивинские и туркменские пределы, так как гарнизону невозможно действовать и поспевать всегда своевременно в разные пункты, отстоящие от форта на 800 и более верст» (История и этнография..., 2016: 63).

Одним из механизмов реализации военной стратегии были и непрямые военные действия, куда входили организация походов снабженческого и укрепительного характера, часто сопровождаемые демонстрацией силы. К примеру, трудности, с которыми российские войска столкнулись в 1848 г., когда из Орска был направлен главный транспорт на реку Ирғиз, сопровождаемый ротой пехоты, артиллерийскими орудиями и казачьими отрядами: «Общий вес перевозимого груза превышал 100 тыс. пудов и включал строительные и военные материалы» (Макшеев, 2025: 24). В это время в Степи функционировала гибкая система гарнизонной логистики. Например, из 16 линейных батальонов, расквартированных в регионе, только 10 оставались активными, при этом многие из них были распределены по укреплениям. Это подчёркивает аксиому военного управления: эффективное пограничное присутствие не всегда требует количественного превосходства, если оно обеспечено хорошей дисциплиной, логистикой и инфраструктурной поддержкой.

Военный молебен перед выходом, личное сопровождение корпусным командиром и прощание с войсками не только выполняли ритуальную функцию, но и способствовали поддержанию дисциплины среди солдат. Казаки и башкиры в этом контексте выступали не только как охранные силы, но и как навигаторы, обладающие уникальными знаниями о местности. Их роль, а также роль посыльных, обеспечивающих коммуникацию с местным населением, подчёркивает важность локального знания в условиях, не приспособленных для классических военных операций.

Несмотря на видимую мощь экспедиций, они были изнурительными для участников. Описание очевидца передаёт атмосферу усталости и напряжения: «Солнце ярко палило необозримую равнину, покрытую сухим ковылем. Пыль от повозок полосой застилала горизонт... Лошади вяло тащили везы. Солдаты затянули было песню – и замолкли» (Макшеев, 2025: 24). Каждая стоянка превращалась в краткий ритуал, включающий заботу о лошадях, приготовление пищи у костров и редкий отдых. Походы становились не только физическим, но и моральным испытанием для солдат.

Принцип «разделяй и властвуй» также играл значительную роль в подавлении сопротивления. Ввиду малочисленности военных сил, довольно часто использовались и межродовые противоречия, а также поддержка отдельных лояльных казахских групп. Практика же захвата заложников из влиятельных семей служила средством обеспечения лояльности и предотвращения восстаний. Эта мера, распространённая в колониальных конфликтах, оказывала моральное давление на население и ограничивала возможности сопротивления. Здесь необходимо отметить, что подобные действия со временем давали всё меньший эффект, что с одной стороны вынуждало российские власти увеличивать количество войск в регионе, а с другой – возрастала степень самоорганизации казахских родовых ополчений.

В целом, стратегия российских вооружённых сил должна была строиться с учётом военно-географических факторов, таких как логистика, доступ к водным ресурсам и характер местности, которые существенно влияли на ход военных кампаний. Зачастую учитывались и настроения местных казахских родов, в том числе, на чью поддержку стоило рассчитывать.

Столь масштабная организация наступательных действий со стороны российских войск, с учётом полного превосходства в вооружении, позволяла применять разносторонние тактики ведения боевых действий в степных условиях.

Тактика ведения боевых действий российских войск и казачьих отрядов в Казахской степи во второй половине XIX в. основывалась на комплексном подходе, который сочетал военные, стратегические и логистические элементы. Походные маршруты российских войск включали 19 основных переходов, «большинство из которых проходило через речные долины и сезонные водотоки, такие как Ирғиз и Орь» (Карин, 2024: 131). Всё это требовало участия всех видов войск, в том числе и строительства понтонов, а также других логистических инструментов. Сами маршруты, несмотря на обширную степь, выстраивались с учётом топографии региона, а также с учётом лояльности части населения, что облегчало снабжение и разведку военных походов. При обнаружении подходящих мест зачастую войсками выстраивались как кратковременные, так и долговременные оборонительные укрепленные сооружения. В качестве разведки в российской армии «служили не только добровольцы из числа местного населения, но и иррегулярные части в виде уральских казаков» (РГВИА. Ф. 4837. Оп. 1. Д. 63. Л. 2). Эти мобильные войска стали своего рода отдельным видом войск. Тактика их использования во многом строилась на их мобильности и оперативности, хотя их значимость постепенно снижается в связи с увеличением количества регулярных войск. Тем не менее, мобильные отряды казаков не уступали природным кочевникам в мобильности и оперативности, а благодаря тактике быстрых рейдов аулы практически были беззащитны перед их налётами. Массовый отгон скота казаками ослаблял базу повстанцев и нарушал привычные маршруты кочёвок. Знание в общей среде казаков традиционных маршрутов кочёвок, местных обычаев и обрядов во многом позволяло использовать их в качестве разведки, с целью обнаружения местонахождения восставших, а также в качестве самостоятельных подразделений, например, для окружения и лишения казаков поля для манёвров.

Помимо традиционных наступательных действий, при подавлении восстаний использовалась и тактика не прямых действий. Одним из таких способов была тактика «выжженной земли», применявшаяся как русскими войсками, так и казахскими повстанцами. С целью отрезать себя от преследования или лишить наступающие войска фуража, поджог травяного покрова приводил зачастую к тяжёлым последствиям. Поджог травы по степному адату (обычному праву) мог быть приравнен к убийству. Использование такого метода зачастую приносило большие беды для не участвовавших в восстании аулов, что и так ослабляло базу восставших. С другой стороны, для лишения поля для манёвров восставших, тактикой выжженной земли пользовались и русские войска с целью лишения припасов и скота восставших.

Другим методом борьбы с колониальными войсками являлся уход на другую территорию. В период восстаний 1869–1870-х гг., такой территорией было Хивинское ханство. В этой связи вынужденная откочёвка становилась причиной нарастания недовольства среди казахского общества.

В ответ на нарастающее недовольство и организованные выступления казаков, российские войска применяли ряд тактических приёмов, направленных на достижение своих стратегических целей, в том числе и реализацию своего полного превосходства в вооружении.

Передвижение воинских колонн отличалось строгой организацией: транспорт выстраивался в несколько линий, охранялся пехотой и казаками, а фланги и тыл прикрывались мобильными кавалерийскими отрядами. Дисциплина и чёткая маршрутизация играли центральную роль в успешности операций. Перешедшие на сторону Российской империи отдельные казахские проводники и посыльные также играли важную роль в навигации по труднопроходимым степным пространствам.

В условиях открытой степи артиллерия использовалась редко, однако её присутствие играло важную психологическую роль, служа символом силы и контроля. Военные действия в традиционном понимании уступали место демонстрации «порядка и психологическому давлению, которое становилось формой контролируемого принуждения к подчинению» (РГВИА. Ф. 213. Оп. 1. Д. 21. Л. 2). Принцип ротации, при котором казаки, обслуживавшие укрепления, ежегодно сменялись наполовину, способствовал поддержанию боеспособности и психологической устойчивости контингентов. Гарнизоны снабжались разнокалиберными орудиями, адаптированными к условиям степи, и укомплектовывались разнообразными войсками. Одним из свидетельств тому является обращение к генерал-адъютанту графу Адлербергу от графа Гейдена: «Крыжановский признавая необходимость построить укрепление на устье Эмбы полагает произвести рекогносцировку этой местности 50 стрелками, 100 пешими казаками и 18 стрелковыми батальонами из г. Уральска» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6815. Л. 9).

Артиллерия играла решающую роль в подавлении восстаний, позволяя разрушать укрепления и наносить массовые потери повстанцам. Огневая мощь артиллерии компенсировала недостатки в численности войск и обеспечивала преимущество в бою. Ярким проявлением удачного применения артиллерии может служить эпизод, представленный на картине М. Федорова, интерпретирующий битву отряда фон Штемпеля с казаками, когда лишь артиллерия позволила отбить один из самых жарких натисков (Рисунок 1). Вот, что говорится о первых столкновениях: «Первый отряд выступил в степь 6-го мая. Он двигался на урочище Казбек под начальством полковника барона фон Штемпеля,

в составе двух уральских сотен, роты губернского батальона, при двух орудиях. На Казбеке, по примеру прежних лет, должна была открыться весенняя ярмарка, но прежде прихода туда отряда слышно было, что большая часть ярмарочных зданий растащена и из досок балаганов, слышно было, киргизы поделили себе копыя» (Костенко, 1870: 4). Сами казахи на данной картине представлены в образе воинов без огнестрельного оружия, с тяжёлыми копыями, малопригодными при близком бое, тогда как русские войска показаны как хорошо вооружённые современными на тот момент нарезными ружьями.

Главной проблемой использования артиллерии в казахской степи стала её относительная небольшая мобильность. Отсутствие дорог и довольно сложные природные условия ограничивали скорость её передвижения. Скорее всего, именно этим объясняется использование именно лёгких казачьих пушек во время похода войск генерал-губернатора на Эмбу с целью подавить сопротивление казахов в период восстания 1869 г. (Юдин, 1894: 138-141; РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 7003). Казахи, хорошо знакомые с силой артиллерийского огня, не стали прибегать к прямому боевому столкновению, акцентировав свои усилия по сдерживанию грозного соперника на угрозе обозу. Именно обоз зачастую становился ахиллесовой пятой российских военных походов вглубь казахских земель.

Рис. 1. Первая встреча казахов с отрядом барона фон Штемпеля. На пути от оз. Жетыкол до урочища Казыбек на р. Уил (Западный Казахстан 1869 г.). Рисунок М. Федорова (*Эпизод...*, 1870: 8).

Восстание 1870 г. в Мангыстау стало кульминацией борьбы казахского народа против колониального угнетения. Оно возникло не только из-за экономических трудностей, но и в ответ на постоянное вмешательство российской власти в дела казахских общин. Восстание возглавил один из местных лидеров – Иса Тилендиев, который смог объединить вокруг себя различные группы населения. В отличие от предыдущих выступлений, восстание 1870 г. отличалось более организованным подходом и стратегией, включая применение тактики партизанской войны, что позволило казахам временно добиться успехов и нанести серьёзные удары по российским войскам. К их числу можно отнести нападение на состав Гурьевской комиссии, осаду и блокирование отряда полковника фон Штемпеля, а также затяжные бои с отрядом полковника Зеленина. Все эти успехи не только подняли моральный дух повстанцев, но и привели к нарушению коммуникаций между отрядами российской армии. На первом этапе восстания, несмотря на ряд первоначальных успехов повстанцев, общий стратегический перевес был слишком силён, что позволило российским войскам занять среднее течение Уила, отрезав восставших от связей и подкреплений. Именно этот манёвр позволил отрезать восставших от помощи со стороны Хивы и, по сути, восстание с этого момента постепенно утихает как среди прилинейных аулов, так и среди аулов, кочевавших вдали от неё. Однако на Мангыстау восстание лишь набирало силу. Главной основой восставших было родовое ополчение рода Адай, поэтому в историографии колониального периода это восстание чаще всего именовалось Адаевским бунтом. Сила и успехи восставших настолько были велики, что для подавления его были привлечены дополнительные силы с Кавказа. После разгрома отряда Н. Рукина восставшие осадили форт Александровск. Труднодоступность Мангыстау не позволила быстро перекинуть

войска из Оренбургского генерал-губернаторства, что заставило привлечь с мятежного Кавказа отдельные воинские силы. Сама переброска войск с Кавказа прошла без заминки, ввиду отсутствия у повстанцев своего флота и отлаженной работы штабов. Однако незнание прибывшими командирами местных условий не раз ставило прибывшие войска в крайне опасное положение. Так, попытка раздобыть верблюдов у мирных туркмен графа Кутайсова закончилась потерей части пополнения из числа дагестанцев. Всё это хорошо показывает умение повстанцев успешно перехватывать отдельные и малочисленные отряды российских войск вдали от основных баз. Перерезав коммуникации, по сути, эти отряды могли быть обречены. Именно так, например, погиб отряд Рукина.

Кроме того, повстанцы хорошо применяли и стратегию не прямых действий, где отряды российских войск вынуждены были отступать и без вступления в прямые боевые действия. Так, при осаде отряда полковника Зеленина ещё в 1863 г., казахи предприняли попытку отгона лошадей, что чуть ли не привело к гибели всего отряда и лишь стечение обстоятельств не позволило этому случиться. Стоит отметить и достаточно широкое применение тактики ночных нападений при осаде форта Александровск. Если степные условия не очень-то способствовали ночным нападениям, поскольку кони рисковали попасть в какие-нибудь норы и повреждали ноги, то в условиях Мангыстау, где довольно часто встречается каменистый грунт, эта тактика вполне себя оправдывала. Ахиллесовой пятой всех боевых действий российских отрядов оставалось движение обоза, охрана которого всегда была головной болью начальников всех уровней. Так случилось с отрядами Н. Рукина, Ф. Штемпеля. Также, несмотря на отдельные успехи Ломакина при подавлении восстания, который, хотя и отбил большое количество скота у восставших, довольно скоро его весь потерял, отправив его под началом малочисленного конвоя.

Операция по подавлению восставших на Мангыстау, в отличие от подавлений восстаний в прошлом году, сопровождалась многочисленными боевыми действиями, итогом которых стало не подавление восставших, а скорее их вытеснение на территорию Хивинского ханства (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8320. Л. 22), что, в свою очередь, привело к организации похода на Хиву российскими войсками и её подчинение.

Тем не менее, несмотря на первоначальные успехи, восстания 1869 г. и 1870 г. столкнулись с мощным наступлением со стороны российской армии, которая использовала все доступные ресурсы для подавления мятежей (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6815. Л. 7). В ответ на восстания российская администрация усилила репрессивные меры, включая массовые аресты и разрушение казахских населённых пунктов. Одним из примеров борьбы с непокоренными, служит рапорт генерал-адъютанта Н. Крыжановского, адресованный военному министру 21 августа 1869 г.: «Многие преступления совершенные в Киргизской степи Оренбургского ведомства остались не раскрыты и виновные не понесли наказания собственно потому, что в степной территории есть отдаленные от административных центров места, куда не достигал не один агент Правительства, например как пространство от урочища Исен-Берды на устье Эмбы, на юго-восток и потом на юг от Мертвого Култука, находилось без надзора Правительства. Местность эта постоянно в течение лета занимается кочующими с Мангышлака адаевцами, которые никогда не отличались преданностью нашему правительству и всегда шли в разрез с нашими постановлениями...» (РГВИА. Ф. 846. Оп. 16. Д. 6815. Л. 1-3).

Восстание 1869 г. стало ответом на «усиливающееся давление российской администрации на казахские земли» (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 41-43). В этот период казахи сталкивались с «новыми налогами, ограничениями на передвижение и попытками интеграции в колониальную систему» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1865. Д. 5а. Л. 1-2). Протесты против этих мер вылились в организованные выступления, направленные как против местной власти, так и против колониальной системы в целом. Важным аспектом восстания стало объединение различных казахских племён, что свидетельствовало о высоком уровне национального сознания и солидарности среди казахов. К примеру, во время атаки при озере Жамансай на территории Уральской области численность казахских воинов была в пределах от 10 до 20 тыс. человек (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 286), а в январе 1869 г. часть казахов родов кете и табын Уральской и Тургайской областей в числе 6500 кибиток восстала против введения Положения (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 16). Так же одним из принципов сопротивления местного населения стали откочёвки. К примеру, весной 1869 г. из родов Байулы в сторону Хивы ушли 13 631 кибиток, а в конце июля из них вернулись 11 279 семей (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8239. Л. 287 – 289), из рода Шомишты Табын откочевали в Хиву 2 тыс. кибиток (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8273. Л. 4), а летом того же года из Хивы вернулись 11 тыс. семей Байулы. Динамика миграционного процесса менялась, однако, несмотря на сложное положение в Степи, летом 1870 г. из Хивы в Тургайскую область вернулось около 5 тыс. кибиток разных родов (ОГАОО. Ф. 6. Оп. 10. Д. 8320. Л. 22). Часть казахских родов вернулась в привычные места проживания уже в 1871 г.: «2000 кибиток рода Таз, откочевавшие в Хиву во время восстания, вернулись обратно в Уральскую область» (РГИА. Ф. 1291. Оп. 82-1869. Д. 13. Л. 47).

Сравнение восстаний 1869 г. и 1870 г. показывает общий процесс нарастания национального самосознания казахов. Несмотря на различия в масштабах и организационных формах, оба восстания стали важными вехами в истории казахского народа. Опыт борьбы казахов с колониальной властью способствовал осознанию общности интересов и необходимости объединения для восстановления утраченных прав.

5. Заключение

Таким образом, тактика и методы, применяемые российскими войсками для подавления казахских восстаний во второй половине XIX в., были нацелены на установление и закрепление колониального господства Российской империи в этом регионе. Это был длительный процесс, сопровождавшийся как военными действиями, так и прямым подкупом части местных элит. Несмотря на ряд успехов, основная масса кочевников всё-таки оставалась вне сфер влияния российской администрации и сохраняла свою относительную автономию вплоть до распада Российской империи. Будучи труднодоступным, этот регион оставался очагом восстаний и проблем для центрального правительства. Основными причинами данной ситуации может быть признан сложный характер местности, слабые и малочисленные воинские контингенты, незнание условий для проведения крупномасштабных воинских операций, а также зависимость от обозов и баз снабжения.

Кроме того, применение тактики «выжженной земли», артиллерийских обстрелов и массовых репрессий было основными инструментами подавления восстаний, что привело к катастрофическим потерям среди казахского населения, особенно среди мирных жителей. Голод, болезни и лишения стали обыденностью в казахских аулах, усугубляя и без того тяжёлые условия жизни.

Подавление восстаний сопровождалось усилением земельной экспроприации. Земли, принадлежавшие участникам сопротивления, конфисковались и передавались российским поселенцам и казакам. Этот процесс не только приводил к обезземеливанию казахов, но и усиливал их недовольство, создавая почву для дальнейших конфликтов. В результате традиционные способы ведения хозяйства и социальные структуры начали разрушаться, что негативно сказалось на жизнедеятельности казахского народа.

После подавления восстаний российская администрация усилила контроль над казахскими территориями. Вводились новые административные единицы, назначались российские чиновники, а казахская знать постепенно отстранялась от власти. Это способствовало дальнейшему углублению колониального гнёта и утрате автономии казахского общества. В результате традиционные экономические отношения, социальная структура и культурные ценности подверглись значительным изменениям, что вызвало кризис идентичности среди казахов.

6. Благодарности

Статья подготовлена в рамках реализации проекта грантового финансирования Министерства науки и высшего образования Республики Казахстан ИРН АР19679738 «Восстание 1869 года на территории Западного Казахстана на основе новых архивных материалов».

Литература

Абдиров, 2000 – Абдиров М.Ж. Завоевание Казахстана Царской Россией и борьба казахского народа за независимость. Из истории военно-казахской колонизации края в конце XVI – начале XX веков. Астана: Елорда, 2000. 304 с.

Ахмет, 2022 – Ахмет А.К. Движение под предводительством Джанходжи Нурмухамедова. Стенограмма 10-17 октября 1852 г. Алматы, 2022. 280 с.

Бларамберг, 1978 – Бларамберг И.Ф. Воспоминания. М.: Наука, Главная редакция восточной литературы, 1978. 357 с.

Губернаторы..., 1999 – Губернаторы Оренбургского края. Оренбург: Оренбургское книжное издательство, 1999. 400 с.

Гурская, 2010 – Гурская Н.В. Военизированный образ жизни Уральского казачества // *Вестник Военного университета*. 2010. № 2 (22). С. 94-100.

Дубриков, 2016 – Дубриков А.М. Роль российского казачества в присоединении Средней Азии к Российской империи (на примере Уральского казачества) // *Карельский научный журнал*. 2016. Т. 5. № 2(15). С. 67-73.

История и этнография..., 2016 – История и этнография казахов Западного региона. Т. 4. Составитель: М.К. Кипиев. Атырау, 2016. 400 с.

Императорская археологическая..., 2019 – Императорская археологическая комиссия (1859–1917): история первого государственного учреждения Российской археологии от основания до реформ. Т. 2. 2-ое изд., переработанное и дополненное. СПб.: ИИМК РАН, 2019. 728 с.

Карин, 2024 – Карин Е.Т. От Cassackia до Казахстана: локализация Казахстана на европейских, российских и азиатских картах XVI – первая половина XX вв. Составители: Ксенжик Г., Рахимов Е. / Казахстан: Service Press, 2024. 226 с. + 122 илл.

Кипиев, 2020 – Кипиев М.К. XVIII–XX ғасырлардағы Атырау өңіріндегі елді мекендер (Населенные пункты Атырауского региона XVIII–XX веков). Атырау, 2020. 220 б.

Кэмпбелл, 2022. – Кэмпбелл Я. Знание и окраины империи: казахские посредники и российское управление в степи 1731–1917. СПб., 2022. 391 с.

Костенко, 1870 – Костенко Ю. События в степи Уральской области в 1869 году // *Уральские войсковые ведомости*. 1870. №2.

- Курлапов, 2013** – *Курлапов А.З.* Яицкие-уральские казаки. Повседневная жизнь и праздники. Т. 2. Историко-краеведческое издание, 2013. 672 с.
- Макшеев, 2025** – *Макшеев А.* Путешествия по Казахским степям и Туркестанскому краю. Алматы, 2025. 280 с.
- ОГАОО** – Объединённый государственный архив Оренбургской области.
- Оренбургский край..., 2021** – Оренбургский край – поликультурный и трансграничный регион Российской империи: сборник документов. К 250-летию со дня рождения выдающегося военного и государственного деятеля, оренбургского военного губернатора Петра Кирилловича Эссена (1772). Оренбург, ИПК Университет, 2021. 712 с.
- РГИА** – Российский государственный исторический архив.
- РГВИА** – Российский государственный военно-исторический архив.
- Сакральная география..., 2021** – Сакральная география Актюбинской области. Реестр объектов природы, археологии, архитектуры и этнографии. Алматы: Институт археологии им. А.Х. Маргулана, 2021. 532 с.
- Требугов, 2011** – От Гугни до Толстова. Состав.: А. Г. Требугов. Уральск, 2006. 104 с.+16 илл.вкл.
- Юдин, 1894** – *Юдин П.* Адаевский бунт на полуострове Мангышлак в 1870 // *Русская старина*. №7 (июль). СПб., 1894. С. 135-156.
- Эпизод..., 1870** – Эпизод из последнего киргизского восстания // *Всемирная иллюстрация*. Т. 3. 1870. №53. Л. 6-8.
- Kilian, 2013** – *Kilian J.M.* Allies & Adversaries: The Russian Conquest of the Kazakh Steppe / Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. The George Washington University, August 31, 2013. Directed by Professor Muriel Atkin. 423 p.

References

- Abdirov, 2000** – *Abdirov, M.Zh.* (2000). Zavoevanie Kazakhstana Carskoj Rossiej i bor'ba kazahskogo naroda za nezavisimost' [The Conquest of Kazakhstan by Tsarist Russia and the Kazakh People's Struggle for Independence: From the History of Military-Cossack Colonization of the Region in the late 16th – early 20th centuries]. Iz istorii voenno-kazach'ej kolonizacii kraja v kontse XVI – nachale XX vekov. Astana: Elorda, 304 p. [in Russian]
- Ahmet, 2022** – *Ahmet, A.K.* (2022). Dvizhenie pod predvoditel'stvom Dzhanhodi Nurmuhamedova [The movement led by Dzhankhodzha Nurmukhamedov]. Stenogramma 10-17 oktjabrja 1852 g. Almaty, 280 p. [in Russian]
- Blaremburg, 1978** – *Blaramberg, I.F.* (1978). Vospominanija [Memoirs]. Moskva: Nauka, Glavnaja redakcija vostochnoj literatury, 357 p. [in Russian]
- Dubrikov, 2016** – *Dubrikov, A.M.* (2016). Rol' rossijskogo kazachestva v prisoedinenii Srednej Azii k Rossijskoj imperii (na primere Ural'skogo kazachestva) [The role of the Russian cossacks in the Incorporation of Central Asia into the Russian Empire (based on the example of the Ural cossacks)]. *Karel'skij nauchnyj zhurnal*. 5. 2(15): 67-73. [in Russian]
- Epizod..., 1870** – Epizod iz poslednego kirgizskogo vosstanija [An Episode from the Last Kyrgyz Uprising]. *Vsemirnaja illjustracija*. 1870. T. 3. №53. L. 6-8. [in Russian]
- Gubernatory..., 1999** – Gubernatory Orenburgskogo kraja [Governors of the Orenburg Region]. Orenburg: Orenburgskoe knizhnoe izdatel'stvo, 1999. 400 p. [in Russian]
- Gurskaja, 2010** – *Gurskaja, N.V.* (2010). Voenizirovannyj obraz zhizni Ural'skogo kazachestva [Militarized Lifestyle of the Ural Cossacks]. *Vestnik Voennogo universiteta*. 2(22): 94-100. [in Russian]
- Imperatorskaya arheologicheskaya..., 2019** – Imperatorskaya arheologicheskaya komissiya (1859–1917): istorija pervogo gosudarstvennogo uchrezhdenija Rossijskoj arheologii ot osnovanija do reform [Imperial Archaeological Commission (1859–1917): The history of the first state institution of Russian archaeology from its foundation to the reforms]. Т. 2. 2-oe izd., pererabotannoe i dopolnennoe. Sankt-Peterburg: IIMK RAN, 2019. 728 p. [in Russian]
- Istorija..., 2016** – Istorija i etnografija kazahov Zapadnogo regiona [History and ethnography of the Kazakhs of the Western region]. Т. 4. Sostavitel': M.K. Kipiev. Atyrau, 2016. 400 p. [in Russian]
- Judin, 1894** – *Judin, P.* (1894). Adaevskij bunt na poluostrove Mangyshlak v 1870 [The Adaev Rebellion on the Mangyshlak Peninsula in 1870]. *Russkaja starina*. №7 (ijul'). Sankt-Peterburg. Pp. 135-156. [in Russian]
- Karin, 2024** – *Karin, E.T.* (2024). Ot Cassackia do Kazahstana: lokalizacija Kazahstana na evropejskih, rossijskih i aziatskih kartah XVI – pervaja polovina XX vv. [From Cassackia to Kazakhstan: the localization of Kazakhstan on European, Russian, and Asian maps from the 16th to the first half of the 20th centuries]. Sostaviteli: Ksenzhih G., Rahimov E. Kazahstan: Service Press, 226 p. + 122 ill. [in Russian]
- Kempbel, 2022** – *Kempbel, Ja.* (2022). Znanie i okrainy imperii: kazahskie posredniki i rossijskoe upravlenie v stepi 1731–1917 [Knowledge and the Empire's Peripheries: Kazakh Intermediaries and Russian Administration on the Steppe, 1731–1917]. Sankt-Peterburg, 391 p. [in Russian]

Kilian, 2013 – *Kilian, J.M.* (2013). *Allies & Adversaries: The Russian Conquest of the Kazakh Steppe*. Dissertation submitted in partial satisfaction of the requirements for the degree of Doctor of Philosophy in History. The George Washington University, August 31. Directed by Professor Muriel Atkin. 423 p.

Kipiev, 2020 – *Kipiev, M.K.* (2020). XVIII–XX gasyrlarday Atyrau onir endegi eldi mekender (Naselennye punkty Atyrauskogo regiona XVIII–XX vekov) [Settlements of the Atyrau Region in the 18th–20th centuries]. Atyrau, 220 p. [in Russian]

Kostenko, 1870 – *Kostenko, Ju.* (1870). Sobytiya v stepi Ural'skoj oblasti v 1869 godu [Events in the Steppe of the Ural Region in 1869]. *Ural'skie vojskovye vedomosti*. №2. [in Russian]

Kurlapov, 2013 – *Kurlapov, A.Z.* (2013). Yaitskie-ural'skie kazaki. Povsednevnaia zhizn' i prazdniki [Yaik-Ural Cossacks: Everyday Life and Celebrations]. Т. 2. Istoriko-kraevedcheskoe izdanie. 672 p. [in Russian]

Maksheev, 2025 – *Maksheev, A.* (2025). Puteshestviya po Kazahskim stepjam i Turkestanskomu kraju [Travels Across the Kazakh Steppes and the Turkestan Region]. Almaty, 280 p. [in Russian]

OGA00 – Ob"edinennyi gosudarstvennyi arkhiv Orenburgskoi oblasti [United State Archive of the Orenburg Region].

Orenburgskij kraj..., 2021 – Orenburgskij kraj – polikul'turnyj i transgranichnyj region Rossijskoj imperii: sbornik dokumentov [Orenburg Region – A Multicultural and Cross-Border Area of the Russian Empire: A Collection of Documents]. К 250-letiju so dnja rozhdenija vydajushhegosja voennogo i gosudarstvennogo dejatelja, orenburgskogo voennogo gubernatora Petra Kirillovicha Essena (1772). Orenburg, IPK Universitet, 2021. 712 p. [in Russian]

RGIA – Rossijskij gosudarstvennyj istoricheskij arhiv [Russian State Historical Archive].

RGVIA – Rossijskij gosudarstvennyj voenno-istoricheskij arhiv [Russian State Military Historical Archive].

Sakralnaja geografija..., 2021 – Sakral'naja geografija Aktjubinskoj oblasti. Reestr ob#ektov prirody, arheologii, arhitektury i jetnografii [Sacred Geography of Aktobe Region. Registry of Natural, Archaeological, Architectural, and Ethnographic Sites]. Almaty: Institut arheologii im. A.H. Margulana, 2021. 532 p. [in Russian]

Tregubov, 2006 – *Tregubov, A.G.* (2006). Ot Gugni do Tolstova/Sostavitel' [From Gugni to Tolstov]. Ural'sk, 104 p.+16 ill.vkl. [in Russian]

Военная сила империи в степных условиях: стратегия и тактика российских войск при подавлении восстаний казахов в 1869–1870 гг.

Галия Айтжановна Шотанова ^{a, *}, Ернар Муратович Ужкенов ^{b, *}, Нуржан Ыксанулы Жетписбай ^a, Елеухан Тоганбаевна Калиева ^c

^a Институт истории и этнологии им. Ч.Ч. Валиханова, Алматы, Республика Казахстан

^b Институт востоковедения им. Р.Б. Сулейменова, Алматы, Республика Казахстан

^c Казахский национальный педагогический университет им. Абая, Алматы, Республика Казахстан

Аннотация. В данной статье рассматриваются стратегия и тактические приёмы, применявшиеся войсками Российской империи при подавлении восстаний казахов во второй половине XIX в., с особым акцентом на события 1869 и 1870 г. в Западном Казахстане. Разбирается ряд факторов, влияющих на выбор тактики ведения боя в Казахской степи, включая географические условия, численность и вооружение сторон, в том числе политические цели империи.

Само восстание было направлено против усиления колониального гнёта. Действия казахских ополчений, их сплочённость и организация в целом отражали возросший уровень национального самосознания. Сравнительно большая численность участников восстаний, около 20 тысяч, показывает, что в восстания были вовлечены большинство родов этого региона. Хотя восстание и потерпело поражение, сохранился значительный потенциал повторения событий 1869–1870 гг., что заставило российские власти значительно смягчить свои изначальные требования.

Вооружённые столкновения второй половины XIX в. стали ответом на нарастающее давление со стороны Российской империи. Авторами рассматриваются последствия применения различных тактических подходов для подавления казахского общества, включая изменения в социальной структуре, миграционные процессы и формирование новых форм сопротивления.

Ключевые слова: военное дело, тактика ведения боя, Западный Казахстан, Российская империя, И. Тилендиев, Н. Рукин, Ф. Штемпель, восстания 1869–1870 гг.

* Корреспондирующий автор

Адреса электронной почты: galia8.09@mail.ru (Г.А. Шотанова), e81g@mail.ru (Е.М. Ужкенов), nurzhan976@mail.ru (Н.Ы. Жетписбай), kalieva.eleukhan@gmail.com (Е.Т. Калиева)